

КНИГИ И ЛЮДИ

«Русская мысль»

Русская мысль - Париж - 1996 - 18-24 апр. - с. 12-13.

Анатолий Ким приехал в Париж из Москвы по приглашению издательства «Жаклин Шанбон», которое только что выпустило французский перевод его романа «Отец-лес» (Anatole Kim. Notre Père la Forêt. Jacqueline Chambon, 1996, 376 p.). Мы воспользовались случаем, чтобы встретиться с известным русским писателем. В разговоре также принимают участие переводчица романа Кристина Зейтуния-Белоус и Наталья Громова, поэтесса, заведующая отделом поэзии и прозы журнала «Ясная Поляна».

А.Ким: «Отец-лес» был написан не только в переломный момент моей жизни, но и в предощущении больших изменений в жизни нашей огромной страны. Ожидался приход чего-то совершенно иного по сравнению с тем, чем мы жили прежде, и это ожидание было простым, напряженным, тревожным, где-то даже апокалиптическим.

Работа над романом шла мучительно и была сделана по высшему счету художнической искренности: никаких соображений о том, что можно, а что нельзя писать в ту эпоху, у меня уже не было. Пришло ощущение грядущей катастрофы, перед лицом которой было безразлично как-то соображать, что можно, а что нельзя писать.

И когда сейчас я вновь пытаюсь ощущать, что же значит для меня эта работа, я вижу, что она продолжает оставаться для меня самым значительным моментом. Все, о чем я написал тогда, живо и не потеряло своей энергии ни в моей человеческой, ни писательской судьбе, но я не способен сегодня перечитывать эту книгу, исходя из чисто профессиональных соображений. Когда в 1993 году роман был переиздан, я (сейчас в этом можно признаться) не смог его вычитать и

просто сдал в издательство. Я не мог это сделать, потому что вопросы, которые решал в этом романе, оказались для меня слишком тяжелы и мучительны, чтобы их пережить заново.

Книга была отражением страшной, бескомпромиссной борьбы двух существ, которые живут в каждом из нас: одно из них любит жизнь и хочет утверждать ее, второе же не находит ничего в этой жизни обнадеживающего; существо утверждающее и существо отрицающее. И, кажется, в книге одолел тот, кто отрицал. Она мучительна и для меня, который ее написал, и для читателя; думаю, мучительна она была и для переводчика.

К.Зейтуния-Белоус: Любимый перевод — это где-то мучение. Но и большая радость переосмысления текста, его превращения, перевоплощения. Переводчик пытается создать новый текст, который одновременно должен сохранять впечатление, производимое оригиналом.

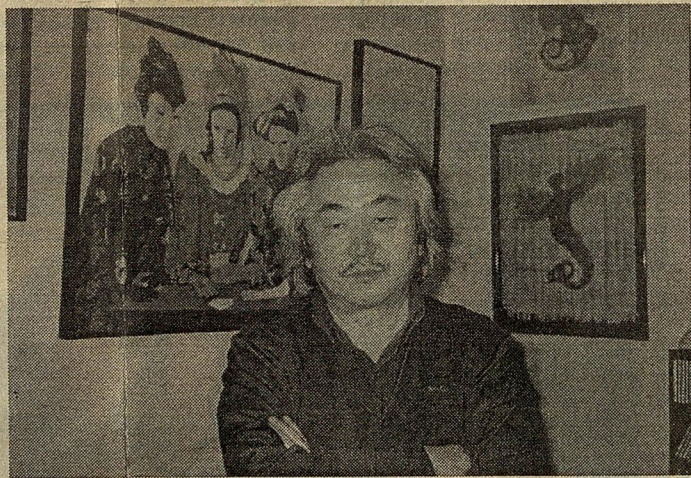
Но я не могу сказать, что книга мучительна. Она очень сложна, полифонична, в ней не один смысловой пласт, не два, не три, а какая-то бесконечность, через которые пробираешься, как сквозь лес, — само сравнение задано заголовком. И сквозь этот темный, непроходимый лес что-то брезжит вдалеке, какой-то свет, к которому стремишься. Эта книга ни на что не похожа, а это и есть самое интересное в литературе.

Андрей Лебедев: Авторское определение жанра «Отца-леса»: роман-притча. Как возникло ощущение этой формы?

А.Ким: Эта форма родилась из ощущения времени, которое должно было лечь в основу романа. Я раньше занимался живописью и усвоил, что у художника имеется ограниченное пространство, размер, и нужно на этом пространстве разместить все части картины. Для меня таким полотном в прозе является время. Было желание вместить

столько в пределах одного абзаца или фразы. К этой форме я уже был готов в предыдущих работах — в «Белке», «Лотосе».

Меня интересовало, как некая духовная работа, начатая человеком одной эпохи, его чувство, мысль, философия не обрывались, а находили продолжение, развитие в совсем другой эпохе.

Анатолий Ким в Париже. Апрель 1996.
фото А.Лебедева.

в роман колоссальное время, практически неощутимое в своих границах: некий космический кувшин времени, наполненный до краев. Это время само по себе неподвижно, но мы в нем подвижны. И переходы от одного момента к другому нужно было совершать мгновенно, без эпической многозапамятности. В «Отце-лесе» часты переходы от одного эпизода к другому, разделенных столетием, которые осуще-

ствляются в пределах одного абзаца или фразы. К этой форме я уже был готов в предыдущих работах — в «Белке», «Лотосе».

А.Л.: Вы занимаете особое место в современной русской литературе. Я имею в виду столкновение или, по меньшей мере, соприсутствие в вашем творчестве двух древних куль-

тур: дальневосточной и христианской.

А.Ким: Я ощутил себя русским именно в Корее, откуда недавно вернулся и где прожил четыре года. Очевидно, что человек рождается как духовная определенность благодаря слову. Именно в Корее мне стало ясно, что я не чувствую себя полноценным, если не нахожусь постоянно в атмосфере русской речи.

Слово, которое пало на чистый лист моей души, было русским. Я был чрезвычайно польщен вниманием корейцев, их родственной радостью за мои успехи вдали от родины; они называли меня «человеком корейского мира». И все-таки моя духовная родина — русский язык. Для меня это очевидно: я русский человек, потому что я говорю по-русски.

Что же касается литературных течений, групп, то я не могу отнести себя ни к одной из них. С самого начала я ощущал себя одиноким волком и никакого беспокойства от этого не испытывал. Я уверенно чувствую себя, потому что пишу не для того, чтобы послужить процессу, направлению, идеологии, или самой красивой патристической идее.

А.Л.: А теперь традиционный вопрос: каковы ваши творческие планы на ближайшее будущее?

А.Ким: Я всегда очень любил читать Толстого. Через него для меня заговорила русская духовность, стихия, Россия как геополитический организм. И вот, прожив с Наташей четыре года в Корее, по возвращении домой мы встретились с праправнуком Л.Н.Толстого Владимиром Толстым, при участии которого был создан международный фонд «Наследие Л.Н.Толстого». И мне предложили

возглавить журнал «Ясная поляна». До этого, во время отпуска, в Москве, мы уже встречались с ним и разговаривали о том, что можно сделать хорошего в тех печальных обстоятельствах, которые переживала страна. Было ощущение полного разгрома духовной стабильности, памяти, достоинства. В связи с тем, что происходило на глазах у всех, русским стало как-то даже неудобно быть.

Владимир Толстой стал в тот момент директором музея в Ясной Поляне. Но ему было мало быть директором, администратором, он ощущал себя призванным выполнить какую-то большую миссию. И тогда зародилась мысль о толстом литературном журнале. Мы говорили о том, что если журнал будет называться просто «Ясная Поляна», то уже будет ясно, чего мы хотим. В произведениях Толстого через русский язык выразился тот человек, который желателен в этом мире, у которого есть будущее. И этот человек был понят во всем мире. Качество человека стало несколько иным после того, как был на этой земле Лев Толстой.

Задача задуманного журнала — это собирательство всего лучшего, что есть в русской культуре и что будет в ней появляться. Собирательство имеет целью помочь сейчас культуре выстоять и вернуть то, что было утрачено и что может быть возвращено именно через литературу. Живя в Корее, я не раз говорил Наташе, что не может быть такого, чтобы в России не писали. Пусть плохо, невозможно, в любой стране перестали бы писать, но в России все равно писать будут. И нам нужно искать и поддерживать этих людей.

Фонд получил такую возможность, мы можем издавать журнал с очень хорошими средствами: платить авторам вперед, причем больше всех среди русских журналов, и отбирать вещи независимо от литературной конъюнктуры и особенностей формы.

Н.Громова: Мы планируем выпустить первый номер журнала в сентябре. Примерный объем — 36 печатных листов. В идеале журнал должен стать ежемесячным. Проблемы, касающиеся финансов, сотрудников, издательской базы, как будто бы решены. Самая сложная проблема сейчас — это портфель.

Личность Толстого настолько широка, что позволяет затрагивать в журнале самые разные темы, связанные с человеческой духовностью, осмыслением человеком своего места в этом мире. В то же время она позволяет нам выступить не только в качестве зачинателей, но и продолжателей того, что уже было когда-то. Дело в том, что сам Толстой уже выпускал педагогический журнал под таким названием. И это дает нашему изданию духовную опору.

В журнале, естественно, будет и проза, и поэзия: русская и переводная. Будет рубрика «Итоги века», своего рода камертон журнала, где мы планируем помещать духовные портреты личностей, которые внесли особый вклад в развитие русской культуры. Мы не будем бояться печатать и старых авторов, произведения которых нам представляются актуальными и воплощающими в себе критерий блестящего текста.

Кроме того, материалы, касающиеся Толстого: самого писателя и его окружения.

Будет цветная вкладка, на которой мы хотели бы представлять художников.

Но одно дело быть задуманным как всемирное издание, а другое — реально попытаться найти в этом мире связь и спрос. И именно с этой целью на базе материалов «Ясной Поляны» будет делаться английский дайджест.

Беседу вел
АНДРЕЙ ЛЕБЕДЕВ

Париж